

Станюкович Константин Михайлович

Два моряка

Константин Михайлович СТАНЮКОВИЧ

ДВА МОРЯКА

Рассказ

Посвящается А. Н. Альмедингену

I

Отставной вице-адмирал Максим Иванович Волынцев только что поднялся с жестковатого дивана, проспавши свой положенный час после обеда.

Откашлявшись, Максим Иванович снял халат, бережно повесил его в шкаф и облекся в старенький, но опрятный сюртук с адмиральскими поперечными, как у отставных, погонами, прошелся щеткой по седой, коротко остриженной голове, расчесал белую пушистую бороду и усы, закурил толстую папиросу и присел в плетеное кресло у письменного небольшого стола.

Не спеша вынул он из футляра очки и взял со стола аккуратно сложенную газету.

Несмотря на потертую обивку старомодной мебели и старенькие вещи, бывшие в кабинете, все в этой небольшой комнате имело необыкновенно опрятный и даже приветливый вид, сияя тою умопомрачающею чистотой, какая только бывает на военных кораблях.

Пол сверкал, точно зеркало. Дверные ручки, оконные задвижки и медные кнопки гвоздиков, на которых висели, занимая сплошь всю стену, фотографии в черных простых рамках, - блестели под лучами редкого петербургского солнца, светившего в течение целого августовского дня. Занавески на окнах были ослепительной белизны: фикусы, аралии и пальмочки вымыты и выхолены одним словом, решительно все в комнате свидетельствовало о привычке хозяина к порядку и щепетильной чистоте, и все, казалось, дышало приветливостью.

Даже хорошенькая "Верушка", как звал Максим Иванович маленькую канарейку, и та, заливавшаяся во все горло, казалась необыкновенно чистенькой и веселой, а клетка, которую адмирал собственноручно чистил два раза в день, просторная, белая клетка, усыпанная песком, содержалась в безукоризненном порядке.

Кабинет напоминал каюту, и в нем даже пахло немного кораблем от острого смолистого запаха мата, лежавшего вместо коврика под ногами адмирала.

И сам он своим внешним видом производил впечатление той же опрятности и приветливости, которыми отличались кабинет и вся скромная его обстановка.

Это был небольшого роста, сутуловатый и сухощавый старик лет шестидесяти, крепкий и бодрый на вид. Вся его небольшая фигура с первого же раза внушала к себе невольную симпатию. И в выражении его старого, морщинистого лица, отливавшего здоровым румянцем, и особенно в выражении небольших, еще живых и острых темных глаз было что-то

необыкновенно хорошее: доброе и ласковое и в то же время застенчивое, говорящее о душевной чистоте и о честно прожитой жизни.

И действительно, вся его жизнь была лямкой добросовестного морского служаки, который даже и в прежние суровые времена отличался добротой и был любим матросами за то, что обращался с ними по-человечески. Честный до щепетильности, он никогда не пользовался казенной копеечкой, никогда не подлаживался к начальству, не знал протекции и, считаясь одним из лучших моряков, много плавал, но особенной карьеры не сделал. Напротив, испортил ее своею независимостью, принужденный выйти в отставку уже контр-адмиралом вследствие того, что не поладил с высшим морским начальством. Он, конечно, ничего не имел и скромно жил с семьей на скромную пенсию.

Максим Иванович принялся за газетный фельетон, чтение которого он всегда откладывал до вечера. Утром адмирал прочитывал все остальные отделы и читал их сплошь, от первой строки до последней, начиная с передовой статьи.

Это был один из тех редких читателей, которые не пропускают ни одного известия и не просто читают, а, так сказать, священнодействуют.

Максим Иванович привык к своей газете, но не верил ей безусловно и частенько-таки не соглашался с ее мнениями. Прочитывая иногда в передовой статье о том, что "Россия не допустит" того-то и того-то, и, вникая в смысл вымышленных quasi!* - патриотических фраз, полных бесшабашного шовинизма, старый адмирал, пробывший всю осаду Севастополя на одном из бастионов и получивший за храбрость еще в лейтенантском чине Георгиевский крест, белевший в петлице его сюртука, неодобрительно покачивал головой и, случалось, говорил вслух:

- Тоже пишет! Молода, во Саксонин не была! Послать бы тебя, строкулиста, самого на войну!

* Мнимых (лат.). - П р и м е р е д.

Но особенно старика возмущало, когда газета, не жалея красок, восхваляла какого-нибудь вновь назначенного сановника.

И тогда его обыкновенно добродушное лицо выражало нескрываемое презрение, и он приговаривал, обращаясь, по-видимому, к автору хвалебной статейки:

- И кто тебя, льстеца, за язык дергает? Раненько, брат, хвалишь... Нехорошо!..

Зато, если Максиму Ивановичу статейка нравилась и он находил мысли ее "правильными и благородными", он с увлечением прочитывал вслух особенно понравившиеся ему выражения и восклицал:

- Ай да молодчага! Ловко!.. Так и надо писать, коли бог тебе талант дал!..

И, случалось, писал в редакцию газеты письмо, в котором выражал благодарность неизвестному автору статьи за доставленное им удовольствие.

За завтраком Максим Иванович обыкновенно передавал в более или менее коротких извлечениях все интересное, прочитанное в газете, своей жене и дочери.

И хотя и жена и дочь сами уже прочли после адмирала газету, но обе они, обожавшие старика, внимательно слушали, пока он не спохватывался и не говорил со своею добродушною улыбкой:

- Да вы уж читали...

- Ничего, ничего, рассказывай...

Но Максим Иванович не продолжал, а переходил к обсуждению прочитанного и нередко критиковал газету.

Сегодня адмиралу, по-видимому, не понравился фельетон. Во время чтения он дергал плечами и наконец проговорил:

- Тоже фанаберия... Скажи пожалуйста! А у самого-то на грош амуниции!

В эту минуту в кабинет вошла легкой, слегка плывущей походкой, с подносом в руках, дочь адмирала Наташа, или, как звал ее отец, Нита, высокая и худощавая, стройная и грациозная в своих движениях блондинка, лет двадцати пяти, с большими ясными серыми глазами. В ее лице, светившемся умом и тою одухотворенною красотой, какую можно встретить лишь у избранных натур, было то же выражение душевной чистоты и мягкости, что и у отца, но лицом она совсем на него не походила. Одета она была очень скромно, но с тем изяществом, которое свидетельствовало о вкусе не одной только портнихи. На ней была шерстяная черная юбка, открывавшая маленькие ноги, и светло-серый лиф с высоким воротником, закрывавшим шею. И все это на ней сидело так ловко и так шло к ее свежему лицу молочной белизны с нежным румянцем. Ни серег в ее маленьких ушах, ни колец на ее красивых, тонких руках с длинными породистыми пальцами не было. Только маленькая брошка с тремя бриллиантами - подарок отца - блестела у шеи.

- Ты кого это, папа? - спросила она, улыбаясь, когда поставила на стол стакан чая и блюдечко с вареньем.

- Да этого "Виго"... Не люблю я его... Ломается... Читала сегодняшней фельетон?

- Читала, папа.

- И тебе не нравится?

- Не нравится.

- У нас с тобой одинаковые вкусы, Ниточка! - проговорил отец и взглянул на дочь взглядом, полным любви и обожания.

Вместо ответа Нита поцеловала старика.

- Славная ты моя! - промолвил умиленно старик. - Скоро вот и другой наш славный вернется, - оживленно прибавил Максим Иванович.

- А когда?

- Дня через три, я думаю, они придут в Кронштадт, если ничто их не задержит. В море ведь нельзя, Ниточка, точно рассчитывать. Верно, Сережа протелеграфирует о выходе из Копенгагена, а из Кронштадта мне дадут знать телеграммой, как только "Витязь" покажется у Толбухина маяка. Уж я просил об этом... Мы все и поедем встречать Сережу... Ведь я голубчика шесть лет не видал! - прибавил Максим Иванович.

Действительно, отец в последний раз видел сына перед выпуском его из корпуса, восемнадцатилетним юношей, и, назначенный начальником эскадры Тихого океана, уехал на три года, а когда вернулся в Россию, не застал сына. Тот ушел в дальнее плавание.

Старик помолчал и прибавил:

- Надеюсь, Сережа храбрый морской офицер и не забыл советов отца, как надо служить. Он ведь славный мальчик всегда был, только Морской корпус его несколько портит. Нынче там больше на манеры обращают внимание... Это тщеславие... Эта дружба с богатенькими князьками... Помнишь, как мы ссорились с ним из-за этого?.. Но да тогда он был юнцом, и все это, конечно, прошло с годами... Он ведь умный и честный мальчик! - горячо прибавил старик.

- Еще бы! - так же горячо воскликнула Нита и, словно бы чем-то обеспокоенная, порывисто прибавила: - Но только знаешь ли что, папа?

- Что, Нита?

- Сережа иногда напускает на себя больше фатовства, а он не такой. И ты не обращай на это внимания, если тебе покажется в нем что-нибудь такое... наносное...

Она старалась заранее приготовить отца к тому, что он увидит. Письма, которые она изредка получала от брата, не нравились ей; в них чувствовалось что-то такое, что глубоко огорчало ее и, конечно, огорчит старика. Да и раньше жизнь брата в отсутствие отца не отвечала ее вкусам, а - главное - его взгляды, его убеждения казались ей такими несимпатичными. И Нита, любившая своего единственного брата до безумия, не раз горячо с ним спорила, стараясь переубедить его.

И теперь, при мысли о скорой встрече брата с этим честным, безупречным отцом, предчувствие чего-то тяжелого невольно закрадывалось в ее сердце. О, как ей хотелось, чтобы предчувствие это оказалось ложным и чтобы Сережа не был таким практическим человеком, каким выставлял себя в письмах.

- Ну, конечно, наносное... Нынче это в моде. И моряки щеголяют тем, чего мы в молодые годы стыдились... Такой уж дух нынче во флоте, к сожалению... Идеал гроша царит... Какое-то торгашество... Да, Ниточка, моряки теперь не те, что были прежде! Прежде мы не думали поражать франтовством да по модным ресторанам шататься... Прежде мы были хоть и замухрышками, но зато, знаешь ли, на сделки разные с совестью не пускались, по передним у начальства не торчали, к тетенькам за протекцией не ездили, а тянули себе ляжку по совести... А теперь... Ну, да что говорить... Я уверен только, что наш Сережа - сын своего отца и никогда не заставит его краснеть за себя... Не так ли, моя голубушка?.. Ты ведь у меня славная девочка и умница!

Нита поспешила согласиться с отцом, но, когда пришла в свою маленькую светлую комнатку, мысли о Сереже заставили ее снова задуматься. И ей было почему-то бесконечно жаль отца.

II

- Анна Васильевна! Нита! Готовы ли вы? Через четверть часа пора ехать, чтоб успеть на пароход! - говорил, стуча в начале девятого часа утра поочередно в двери комнат жены и дочери, веселый и радостный старик, бодрый и свежий, приодевшийся в новый сюртук и надевший на шею большой крест Владимира второй степени, спрятавшийся под густую бородой адмирала.

Он то и дело посматривал на свои старинные золотые часы и, никогда не опаздывавший в своей жизни, за пять минут до отъезда снова стучался в комнаты своих.

Дамы были готовы; два извозчика уже стояли у подъезда, и вся семья за десять минут до девяти часов была на кронштадтском пароходе.

Утро стояло хорошее, солнечное и теплое, и Волынцевы сидели на палубе, радостно взволнованные в ожидании свидания с Сережей.

Наконец и Кронштадт.

Волынцевы с пристани отправились в Купеческую гавань, и там адмирал нанял ялик* до Малого рейда.

* Я л и к - небольшая прогулочная лодка.

- А не страшно на ялике, Максим Иванович? - спрашивала адмиральша, женщина лет пятидесяти, высокая и статная, сохранившая еще в своем лице остатки былой красоты, боязливо поглядывая на маленький ялик.

- Не извольте беспокоиться, барыня. И в погоду ездим, а не то что в тишь, как теперь! - проговорил старик яличник.

- Садись, садись, Анна Васильевна, не бойся! - успокаивал адмирал. Ты привыкла все на катерах ездить, да на больших, ну а теперь мы в отставке, катеров нам не полагается! - шутливо прибавил адмирал.

- Сережа мог бы прислать за нами катер! - заметила адмиральша, усевшись при помощи мужа в ялик.

- Почем он знает, что мы с первым пароходом едем к нему. Он, быть может, и не ждет нас... Эка погода-то славная!.. Хорошо сегодня на море! воскликнул адмирал, вдыхая полной грудью свежий морской воздух.

Действительно, было хорошо. Стоял мертвый штиль, и море расстилалось зеленоватой гладью. С безоблачного неба весело глядело солнце.

Вдали, на Большом рейде*, виднелось несколько броненосцев**, грозных, но неуклюжих, а поближе, на Среднем рейде, стоял крейсер "Витязь", весь черный и красивый со своими высокими тремя мачтами, паутиной снастей и с двумя белыми дымовыми трубами.

* Р е й д - место недалеко от входа в гавань, удобное для стоянки кораблей.

** Б р о н е н о с е ц - военный корабль, защищенный броней и вооруженный дальнобойными орудиями.

Ялик ходко шел, приближаясь к "Витязю".

Адмирал так и впился в него своими зоркими глазами лихого моряка, гордившегося, бывало, образцовым порядком и щегольским видом судов, которыми он командовал в течение своей службы, и тою любовью, какую питали к нему матросы и офицеры. Он любил и эту службу, полную борьбы и опасностей, любил и эти дальние плаванья на океанском просторе, любил и матросов, этих славных, добрых тружеников моря, готовых из кожи лезть, если только с ними обращаются по-человечески и признают в них людей, а не одну только рабочую силу. И Максим Иванович пожалел, что он в отставке и уже не в той родной среде, с которою так сжился. Но не он виноват, что его удалили из флота... Он слишком ценит чувство человеческого достоинства, чтобы оставаться во флоте ценою подлаживания к высшему начальству.

По-видимому, Максим Иванович остался доволен внешним видом "Витязя". Рангоут* выправлен безукоризненно, реи** тоже. Посадка судна превосходная.

* Р а н г о у т - общее название всех деревянных приспособлений (реи, мачты и др.) для крепления парусов и подъема тяжестей на корабле.

** Р е я - горизонтальный брус на мачте, служащий для привязывания парусов.

- Славное суденышко, молодцом глядит! - нежно, почти любовно, произнес старый моряк. - Полюбуйся-ка, Нита.

- Уж я и то люблюсь, папочка!

- Я рад, что Сережа сделал кругосветное плавание не на броненосце, а на крейсере. По крайней мере, знает, как ходят под парусами, а то теперь молодые офицеры совсем не знают парусов... Все только под парами гуляют!

Чем ближе подходил ялик к крейсеру, тем нетерпеливее становились пассажиры ялика.

Еще несколько минут, и ялик пристал к парадному трапу "Витязя". Фалгребные матросы в синих рубахах с откидными воротниками, открывавшими загорелые шеи, стояли по бокам трапа, отдавая честь отставному адмиралу.

Молодой вахтенный мичман встретил прибывших у входа на палубу.

- Я хотел бы видеть лейтенанта...

Но старик не dokonчил.

Лейтенант, которого он так страстно хотел видеть, уже целовал руки и лицо матери, а Анна Васильевна, вся всхлипывая, осыпала поцелуями коротко стриженную белокурую голову и молодое красивое лицо, которое в первое мгновение показалось Максиму Ивановичу незнакомым, чужим, - до того оно возмужало и мало напоминало то нежное, безбородое лицо юнца, какое помнил отец.

Еще минута, и Сережа, осторожно освободившись из объятий матери, целовался с отцом и потом с сестрой... У всех на глазах сверкали слезы...

Всем хотелось говорить, и все говорили не то, что хотелось.

- Здесь у нас еще идет чистка, папа. Пойдем лучше в каюту! проговорил наконец Сережа низким приятным баритоном, бросая быстрый взгляд на костюм Ниты и отводя глаза с довольным выражением.

- Веди куда хочешь, Сережа! - взволнованно отвечал отец.

- Вот наш капитан, папа... Позволь тебе его представить.

И, не дожидаясь согласия отца, он подвел капитана, пожилого приземистого brunета, заросшего волосами, и представил его отцу, матери и сестре.

После нескольких минут разговора, в котором капитан очень хвалил молодого лейтенанта, все спустились в кают-компанию. Офицеры, сидевшие там, встали и поклонились. Сережа опять представил своим двух молодых офицеров, в том числе одного с княжеской фамилией.

- Познакомь уж со всеми, Сережа! - проговорил тихо адмирал, заметивши, что сын хотел вести его в каюту.

Все были представлены, и после того Сережа ввел своих в просторную, светлую, щегольски убранную каюту.

- А ведь я тебя, Сережа, не узнал в первую минуту... Так ты изменился... возмужал с тех пор, как мы не видались. Ну-ка, дай я на тебя погляжу.

И с этими словами старик крепко сжал в своей худой, костлявой, но сильной руке мягкую, пухлую холеную руку сына и глядел на него долгим любовным, полным бесконечной нежности взглядом.

- Экой ты молодец какой! - наконец проговорил он, отводя глаза, и стал разглядывать Сережину каюту.

Высокий, хорошо сложенный, свежий и румяный, с тонкими чертами красивого и умного, слегка загоревшего лица, опушенного светло-русой бородкой, подстриженной по-модному, а la Henri IV, молодой человек, недавно только что произведенный в лейтенанты, действительно глядел молодцом и притом имел тот несколько самоуверенный, хлыщеватый и в то же время солидный вид, каким в последнее время стали, по примеру серьезных молодых франтов из светского общества, щеголять и многие моряки молодого поколения, совсем не похожие на прежний средний тип моряка, отличавшийся отсутствием всякого хлыщества, скромностью и даже застенчивостью в обществе и некоторою, словно бы умышленною небрежностью костюма. Дескать, моряку стыдно заниматься такими глупостями, как франтовство!

Молодой Волынцев, напротив, был франтоват до мелочей и, видимо, тщательно занимался и своей особой, и своим туалетом.

Щегольской сюртук, сшитый не совсем по форме - длиннее, чем следовало, - сидел на нем как облитой. Стоячие воротники, с загнутыми впереди кончиками, сияли ослепительной белизной, а креповый черный галстук, завязанный от руки морским узлом, был безукоризнен. На ногах были модные остроносые ботинки без каблуков. От бороды и усов, чуть-чуть закрученных вверх, шел тонкий аромат духов. На мизинце одной из рук была красивая бирюза, и золотой браслет - *porte bonheur** - виднелся из-под рукава сорочки.

* Браслет без застежки (франц.). - П р и м. р е д.

Сережа походил на сестру, но выражение его лица и карих глаз было совсем не то, что у отца и сестры. И в лице и в глазах Сережи было что-то самоуверенное, жестковатое и холодное. Чувствовалось, что, несмотря на молодость, это человек с характером.

Обрадованный свиданием, Максим Иванович в первые минуты не заметил ни изысканного франтовства, ни самоуверенного, полного апломба, вида Сережи и, оглядев каюту, промолвил:

- Однако и ящичков тут у тебя. Много же ты навез вещей, Сережа.

- Тут еще не все, папа... Еще в ахтер-люке есть.

* А х т е р л ю к - помещение в трюме корабля для хранения

провизии.

- Куда столько?..

- И для вас, и для себя...

- Но ведь это денег стоит, и больших... Или ты, голубчик, себе во всем отказывал, чтобы навезти столько?..

Сереза чуть-чуть покраснел и торопливо проговорил:

- На все хватало, папа... А для тебя, Нита, есть и крепоны китайские для нарядных платьев, и веера, и бразильские мушки для серег, и хорошие изумруды для браслета... Хочешь посмотреть?

- Не надо, потом, потом... Нам хочется на тебя поглядеть, Сереза. Спасибо тебе, но только зачем мне. Я ведь не выезжаю.

- Она у нас домоседка, Ниточка! - вставил отец. - Все больше за книжками сидит.

- Напрасно. Ты стала такая хорошенькая, что могла бы выезжать и сделать хорошую партию!
- смеясь проговорил Сереза.

Нита вспыхнула. Этот тон не нравился ей. Поморщился и адмирал.

- Ну, ну, не сердись, Нита... Хочешь быть монашкой и ученой - твоя княжая воля.

И он обнял сестру.

Анна Васильевна не сводила глаз с Серезы - такой он казался ей красивый и элегантный. Она рассказывала о родных, о знакомых, смеясь говорила, что многие барышни ждут его не дождутся. Сереза весело улыбался и покручивал свои выхолненные усы.

А Максим Иванович слушал, приглядывался и только теперь заметил, какой Сереза франт, и его, старика, особенно неприятно поразил этот браслет на руке сына.

"Точно женщина - браслет носит!" - подумал он. Однако ничего не сказал.

Нита как-то испуганно переводила глаза с отца на брата.

- Ну, а ты, папа, как поживаешь? - спрашивал Сереза.

- Отлично поживаю, как видишь... Ты ведь знаешь, почему я вышел в отставку? - неожиданно спросил старик.

- Знаю, ты писал...

- Но ты тогда ничего мне не ответил...

- Что ж было писать? - уклончиво проговорил Сереза.

- Как что? Я ждал, что ты одобришь мое решение.

- Извини, папа, но я очень сожалел, что ты оставил службу... Ведь флот нуждается в хороших адмиралах...

- Ну, положим, нуждается...

Нита затаила дыхание. Она знала, что брат не одобрял решения отца и в письме к ней называл выход его в отставку "мальчишеством", тогда как она гордилась поступком отца.

- А если нуждается, - продолжал слегка докторальным тоном молодой человек, - то логичнее было бы, мне кажется, не оставлять флота... Извини, папа... Но я высказываю свое мнение, раз ты меня спрашиваешь...

- Конечно, спрашиваю... И нечего тут извиняться... Так ты считаешь, что мне следовало ехать к начальству и просить извинения за то, что я был прав? - спрашивал Максим Иванович, взглядывая на сына и вдруг чувствуя себя словно бы в положении подсудимого.

Вместе с тем старик почувствовал, что сын давно уже произнес свой приговор. Он это видел в снисходительном взгляде Сережи. Он это слышал в тоне его голоса. И прежний юнец Сережа словно бы пропал. Перед ним был основательный, не по летам практический молодой человек, который мог бы поучить его, старика, как надо вести себя.

- Сережа вовсе этого не думает, папочка! Не правда ли, Сережа? вступилась Нита, как бы давая понять брату, что следует ему отвечать.

Сережа не соблаговолил ответить сестре и проговорил, обращаясь к отцу:

- Мне кажется, можно было бы устроить дело и без извинений, если они так были тебе неприятны, что ты из-за них бросил службу, которую любишь... В таких случаях всегда есть посредники, которые улаживают недоразумения... Но ты, папа, погорячился... Ты действовал под влиянием чувства, конечно, благородного, но из-за этого флот лишился превосходного адмирала! прибавил Сережа.

Старик попробовал было улыбнуться, но улыбка вышла какая-то кислая. Однако он промолвил:

- Ты, может быть, и прав, мой милый... Даже наверное прав... Мы, старики, слишком впечатлительны и часто забываем правила житейской мудрости... Но с темпераментом ничего не поделаешь, Сережа... Я вот и вышел в отставку, и флот лишился, как ты говоришь, хорошего адмирала.

- Ты не сердись, папа, что я позволил себе откровенно высказать свое мнение...

- Что ты, Сережа! За что же сердиться? Ты просто благоразумнее меня, вот и все... Ну, рассказывай, голубчик, доволен ли ты службой?.. Полюбил ли море?..

Сережа признался, что моря особенно он не любит, но что служит добросовестно и на хорошем счету у капитана. Два года как он ревизором*, после того, как прежний ревизор заболел и уехал в Россию.

* Р е в и з о р - офицер, заведующий хозяйственной частью.

П р и м. а в т о р а.

-хлопотливая эта обязанность... Напрасно ты согласился принять ее.

- Да, работы много, но раз капитан просил, я не считал возможным отказаться.

Сережа между тем взглянул на часы и подавил пуговку электрического звонка.

У порога каюты вытянулся молодой вестовой. По напряженной его физиономии и несколько испуганному взгляду сразу можно было догадаться, что этот белобрысый матросик с голубыми, слегка выкаченными глазами побаивается молодого лейтенанта.

- Узнай, скоро ли завтракать? - сухим и повелительным тоном произнес Сережа.

- Есть, ваше благородие!

Вестовой хотел было уйти.

- Постой! - резко остановил его Сережа.

Вестовой замер на месте и, не моргая, глядел на лейтенанта.

- Скажи буфетчику, чтобы накрыл три лишних прибора... Понял?

- Понял, ваше благородие!

- Ступай!

И этот резкий повелительный тон Сережи резанул ухо отца. Вспомнил он свое отношение к вестовым, вспомнил, какие преданные, славные были у него вестовые, как они бывали коротки с ним и нисколько его не боялись, и спросил сына:

- Давно он у тебя, Сережа?

- С самого начала плавания... А что?

- Нет, я так... Славное у этого матроса лицо... Доволен ты им?

- Ничего... Бестолков только очень! - небрежно кинул Сережа.

- Он из какой губернии?

- А не знаю... Не интересовался, папа... Я, признаться, с матросами не фамиллярничаю... А то того и гляди забудутся...

- В наше время они не забывались! - проронил адмирал и замолк.

Через несколько минут вестовой, уже в нитяных перчатках, доложил, что завтрак готов.

- Папа, мама, пойдемте... Нита!..

Все они пошли в кают-компанию, где в ожидании гостей никто не садился. Адмиральшу и адмирала посадили на почетные места; около них сели капитан, приглашенный на завтрак в кают-компанию, и старший офицер. Сережа сел рядом с сестрой, посадив около нее молодого лейтенанта с княжеским титулом.

Завтрак прошел оживленно. Пили шампанское за благополучное возвращение на родину. Чокались друг с другом, говорили спичи.

От Максима Ивановича, долго на своем веку плававшего и сразу умевшего уловить настроение кают-компания, не укрылось, что в кают-компанию на "Витязе" не было той товарищеской связи, которая соединяла бы всех. Он заметил, что штурманские офицеры, доктор и несколько молодых моряков как бы составляют одну партию и не особенно расположены к другим офицерам, в числе которых был и Сережа. Чувствовалось, что отношение к нему далеко не дружеское, не сердечное.

Вскоре после завтрака Волынцевы уехали с крейсера. Им дали, конечно, катер.

Сережа не мог ехать с ними - обязанности ревизора мешали ему, - но он обещал приехать на другой день.

Прощаясь с сестрой, Сережа шепнул ей:

- Понравился тебе, Нита, князь Усольцев? Обрати на него внимание... Он славный малый, и у него двадцать тысяч годового дохода... Я привезу его к вам.

Нита вспыхнула и шепнула:

- Пожалуйста, не привози.

Старый адмирал вернулся в Петербург как будто не особенно веселый.

За обедом он был задумчив и рассеян - не такого Сережу надеялся он встретить!

Зато Анна Васильевна была в восторге и находила, что он совершенство.

- Не правда ли, какой славный Сережа? Как ты его нашел, Максим Иванович? Ты как будто не особенно доволен им? - спрашивала Анна Васильевна, несколько удивленная и огорченная недостаточным, по ее мнению, восхищением отца сыном.

- Что ты, что ты, Анна Васильевна! Конечно, Сережа славный, честный мальчик! - горячо промолвил старик, скрывая от жены и дочери то тяжелое впечатление, которое произвел на него сын при первой встрече и которое мучило теперь старика.

Его любовь к Сереже боролась с этим первым впечатлением. Он хотел во что бы то ни стало обвинить себя в излишней поспешности суждения о сыне. Как отец, он, быть может, слишком требователен, и в глазах его мелкие недостатки приняли большие размеры и многое показалось не в том свете. В самом деле, и эта резкость с вестовым, и это франтовство сына не такие уж преступления, а его практичность и солидность доказывают только, что Сережа, несмотря на молодость, живет не одним сердцем... Во всяком случае, он честный и хороший молодой человек! Он придет, раскроет свою душу, и тогда отец убедится, что первое впечатление было ложно.

И старик, словно бы утешая себя, продолжал:

- И знаешь ли, Анна Васильевна, мне даже нравится в нем эта уверенность в себе, серьезность и практичность...

- Сережа напускает больше на себя... Вовсе он не такой практичный, папа! - вступилась Нита.

Адмирал взглянул на дочь ласковым, благодарным взглядом за это противоречие, которое так хотелось ему слышать.

III

Со времени возвращения Сережи прошел месяц, но Сережа не торопился раскрывать своей души перед отцом и вообще избегал высказываться, хотя при случае и не скрывал, что смотрит на многое совсем не так, как отец и Нита. Он, видимо, несколько снисходительно относился к их взглядам, но споров избегал, несмотря на то, что старик как будто нарочно старался заводить их. Да и дома Сережа оставался недолго во время приездов своих в Петербург. Пообедает или заглянет на час, да и уедет то по делам, то к знакомым, то в театр. И останавливался он не у своих, - хотя для него и приготовлена была прежняя маленькая его

комната, - а у своего друга, князя Усольцева, которого Сережа, несмотря на протест сестры, все-таки привез к своим.

Масса подарков Сережи украшала теперь скромную квартиру Волынцевых. Чудные японские вазы, столики, разные китайские вещи из черепахи и слоновой кости стояли в гостиной и в комнате Анны Васильевны. У адмирала в кабинете красовались великолепные китайские шахматы с громадными фигурами, а у Ниты в комоде были китайские и японские материи, веера, страусовые перья и много разных ценных безделок. Такими же роскошными вещами Сережа одарил некоторых знакомых, и, кроме того, кронштадтская его квартира была полна привезенными вещами.

Отец только удивлялся. Он знал, что все эти предметы роскоши стоили больших денег; нельзя было навезти их столько на жалованье. Кроме того, Максима Ивановича поражала и жизнь сына в Петербурге: эти лихачи, эта дружба с князем Усольцевым, завтраки и обеды в ресторанах, театры...

Откуда у него на это деньги?

И аккуратный старик, никогда в жизни не имевший долгов, с ужасом подумал, что сын запутался в долгах.

Не решаясь из деликатности прямо спросить об этом, он как-то стороной завел однажды речь о молодых людях, запутывающихся в долгах, но Сережа, понимая, к чему клонит отец, смеясь, проговорил:

- Успокойся, папа. У меня нет ни копейки долга.

- Откуда ж у тебя деньги? - чуть было не сорвалось у отца, но он удержался и промолчал.

И вдруг адмирал вспомнил, что сын его ревизор. Он хорошо знал, что в последнее время ревизоры и многие капитаны нисколько не стесняются пользоваться незаконными доходами и даже громко хвастаются этим.

"Господи! Неужели и Сережа?!"

Ужасное подозрение закралось в эту честную седую голову, и выражение страха и страдания исказило черты лица адмирала, когда он остался один в своем кабинете.

"Не может быть! Это неправда!"

Он гнал эти подозрения. Он ни слова не говорил сыну, ожидая, что тот сам объяснит это недоразумение. Быть может, Сережа выиграл крупную сумму в карты - ведь моряки любят поиграть в азартные игры на берегу!

Но Сережа молчал, и подозрения снова назойливо закрадывались в голову старика и терзали его.

В последние дни они не давали покоя. Куда девалось его прежнее добродушие и веселость? Как ни старался он скрыть от жены и дочери свои страдания, его скорбный, растерянный вид выдавал его. Он сделался молчалив и большую часть времени проводил у себя в кабинете.

Анна Васильевна с тревогой спрашивала, здоров ли он, и старик, чтобы отделаться, сваливал свое дурное расположение на ревматизм. Чуткая Нита догадывалась, что поведение Сережи причиняет страдания отцу, чаще ласкалась к старику, заглядывая к нему в кабинет, и чаще предлагала почитать вслух.

И старик нежно целовал ее и говорил:

- Спасибо, спасибо, Ниточка, не надо... Ревматизм, подлец, дает себя знать... Я полежу... А ты иди к матери...

Однажды он возвратился домой совсем убитый. Он только что вернулся из одного ресторана на Васильевском острове, куда ходил читать английские газеты и выпить чашку кофе, и там слышал разговор нескольких молодых моряков об его сыне. Они его не бранили - о нет! - напротив, с одобрениями и завистью говорили, что он "ловкий ревизор", тысяч десять привез из плавания, кроме вещей... Молодец Волынцев! Не зевал!

Точно оплеванный вышел адмирал из ресторана, дошел домой и заперся в кабинете.

"Не может быть... На Сережу клеветают!" - все еще не хотел верить честнейший старик и решил, что надо поговорить с сыном.

Он опровергнет все эти мерзости!.. О, наверное!

И надежда сменялась отчаянием, отчаяние надеждой. Безграничная любовь к Сереже ожесточенно боролась против очевидности.

Но более терпеть он не мог. Надо же, наконец, узнать правду и не подозревать напрасно сына.

И, однако, страх охватывал этого неустрашимого моряка, выдавшего на своем веку немало опасностей, при мысли о подобном объяснении с сыном.

Думал ли он, что ему придется иметь такие объяснения?!

В этот день Сережа обедал дома. Веселый и довольный, он, между прочим, сообщил, что командир "Витязя" назначается командиром броненосца "Победный" и что он зовет его к себе ревизором.

- И ты согласился? - с какою-то тревогой в голосе спросил старик.

- Разумеется, папа! - ответил Сережа. - Через год "Победный" идет на два года в Средиземное море! - прибавил он.

"И, значит, доходы будут большие", - невольно пронеслось в голове старика.

Когда окончился обед, адмирал как-то смущенно проговорил:

- А ты зайди-ка ко мне в кабинет, Сережа... Хочу тебе показать чертежи нового английского крейсера... интересные... Прелестный будет крейсер...

Нита испуганно взглянула на отца и, заметив его смущение, поняла, что не о чертежах будет речь. И ей стало страшно за отца.

IV

- Присядь, Сережа... Видишь ли... Уж ты извини, голубчик... Никаких чертежей нет... Я так, чтобы, понимаешь ли... мать и сестра... Зачем им знать?.. А мне нужно с тобой поговорить... ты сам поймешь, что очень нужно, и извинишь отца, что он... в некотором роде...

Адмирал конфузился и говорил бессвязно, видимо не решаясь объяснить сущности дела.

Сережа, напротив, был спокоен и, взглянув ясными, несколько удивленными глазами на отца, сказал:

- Ты, папа, говори прямо... не стесняйся... О чем ты хочешь говорить со мной?

Этот самоуверенный вид и спокойный тон обрадовали старика, и он продолжал:

- Я, конечно, так и думал, что все это подлая ложь... Но меня все-таки, знаешь ли, мучило... Как смеют про тебя говорить...

- Что же про меня говорят, папа?

- Что будто ты был ловким ревизором и привез из плавания десять тысяч...

И адмирал даже рассмеялся.

По красивому, румяному лицу молодого лейтенанта разлилась краска. Но глаза его так же ясно и решительно смотрели на отца, когда он проговорил:

- Это верно, папа. Тысяч восемь я привез!

Адмирал, казалось, не верил своим ушам. Так просто и спокойно проговорил эти слова сын.

- Потому, что был ревизором? - наконец спросил старик упавшим голосом.

- Да, папа. Я делал то, что делают почти все, и должен тебе сказать, что не вижу в этом никакой подлости... Напрасно ты так близко принимаешь это к сердцу, папа. Не возьми я своей части, все пошло бы одному капитану... С какой стати!.. И ведь эти восемь тысяч, которые мне достались, собственно говоря, ни от кого не отняты... Никаких злоупотреблений мы не делали ни с углем, ни с провизией... Все покупали по справочным ценам, которые давали нам консулы... Но эти обычные скидки десяти процентов со счетов, которые практикуются везде, что с ними делать?.. Записывать их на приход по книгам нельзя... Оставлять их поставщикам, что ли? Это было бы совсем глупо... Ну, они и делятся между капитаном и ревизором... И никто не видит в этом ничего предосудительного...

- Но ведь это... воровство!.. Ведь эти скидки должны поступать в казну... Или вы с капитаном этого не понимаете?.. О господи, какие вы непонятливые!.. И ты, сын человека, который в жизни никогда не пользовался никакими скидками, ты тоже не находишь ничего предосудительного?..

- Ты, папа, извини, слишком большой идеалист и требуешь от людей какого-то геройства, и притом ни к чему не нужного. А я смотрю на жизнь несколько иначе... Я не...

- Вижу... Довольно... Мы друг друга не понимаем, - перебил старик, и голос его звучал невыразимую грустью. - Теперь во флоте не понимают даже, что предосудительно и что нет... И даже такие молодые... То-то ты и отставки моей не одобряешь... Ты рассудителен не по летам... И, верно, карьеру сделаешь... Иди, иди, Сережа... Нам больше не о чем разговаривать!.. Не говори только об этом сестре... Она тоже не поймет тебя...

Сережа пожал плечами, словно бы удивленный этими ламентациями старика, и вышел из кабинета, а Максим Иванович как-то беспомощно опустил свою седую голову.

Когда Нита принесла чай, Максим Иванович по-прежнему сидел за столом, скорбный и мрачный. Увидав дочь, он попробовал улыбнуться, но улыбка была печальная.

Нита молча обняла старика. Он крепко-крепко прижал ее к своей груди, и слезы блестели на глазах старого адмирала.